

Мария Ануфриева

ПОГОВОРИТЬ

рассказ

Вошел в лонг-лист Волошинского литературного конкурса:

http://www.voloshin-fest.ru/publ/voloshinskij_konkurs_2013/lt_gt39/pogovorit/39-1-0-1494

Amor non est medicabilis herbis

Нет лекарства от любви

(Овидий, "Героиды")

Уже полгода я западаю как сломанная кнопка «пуск» у переставшего скрежетать лифта. На мне никуда не уедешь, я никого никуда не привезу, даже двери не открою.

Шесть месяцев назад я поскользнулась на присыпанном опавшими листьями случайных встреч пути. Не удержалась на ногах и угодила в яму щекочущих живот мечтаний. И с тех пор падаю в нее вверх тормашками, и все никак не могу приземлиться, словно лечу в ущелье Марианской впадины, мимо крутых ее склонов, к самому дну Земли.

«Бабочки в животе порхают» - красиво, но уже избито. Порхают ли? По-моему, дерутся или трахаются. Для бабочек это главное дело. Вот вы спросите у биологов... Самцы семейства Papilionidae оплодотворяют самок с ещё не расправленными крыльями, как только они выходят из куколок. Нимфалиды и толстоголовки преследуют самок, как в полёте, так и сидя «на посту» - на верхушке дерева или куста... Один лауреат Нобелевской премии доказал, что самцы бабочек пытались преследовать птиц размером с дрозда и даже собственную тень. С известными одному лишь лауреату намерениями они стремительно кидались ко всему, что двигалось, будь то насекомое, падающий лист или идущий человек.

Мои «бабочки» охотно трахаются и без устали размножаются. Иногда я ни о чем и думать не могу, только прислушиваюсь к их порханию. Если бы можно было их вытравить нафталином, подобно моли, я бы засыпала его себе в горло.

Да какие, к черту, бабочки. Когда я думаю о нем, то превращаюсь в старый рассохшийся бочонок с квашеной капустой. На голове у меня лежит здоровый серый каменюга. Капусте он помог бы дойти до положенной кондиции засола. Но черепной коробке не на пользу: плющит пожухшие листья мыслей старых и хрупкие зачатки новых, оставляя лишь кочерыжку канючащего: «Я люблю его». Ребра стягивают ржавые железные обручи, и кислая квашеная жидкость сочится из щелок, переливается через край, если замечтавшийся бочонок встряхнуть: «Станция метро Лиговский проспект! Следующая станция...».

Если уж начистоту, «до донца», до дна то есть бочонка, до кочерыжки - никакие это не шесть месяцев. Четыре раза по шесть. Стыдно признаться самой себе.

Но я борюсь – с собой, с ним, с его образом в моей голове. Один в поле не воин. Год назад я даже завела себе соратника.

Как Санчо Пансо не признавал безумия своего хозяина, так и мой постельный вассал, получивший во владение тело взамен на личную преданность, вряд ли может помыслить, что стал участником безумного действия: его клин призван вышибить засевший во мне клин. И не любовью мы занимаемся, а клин клином вышибаем, да все не вышибем.

Для чего нужны любовники? Для того чтобы заполнить пустоту. Внутри меня простираются пустоши, зияют пустоты – там, где должен быть он, и я заполняю их суррогатом любви, горстями глотая дженерики осуществленных желаний вместо одного лекарства с патентованным действующим веществом – любовью.

Впрочем, дженерики помогают. Действие их недолго, но эффект кумулятивный. Создают ровный фон, притупляют сознание.

Так и устроена жизнь: любишь человека, а он не подозревает об этом и тоже кого-то любит. Кто-то любит тебя, но тебе нет до этого дела. Кнопка сломана. Двери лифта закрыты. Будьте любезны топтать пешком. Мимо.

Люблю мексиканскую кухню за ее чемичангу, начо и остроту, которая жжет нутро и травит поселившихся там бабочек. В мексиканские рестораны надо ходить именно с любовниками и заливать пустоту лавой горячего молочно-шоколадного с ванилью Чоколатля. Вождь ацтеков Монтесума так любил этот напиток, что ежедневно выпивал по пятьдесят бокалов. Может, и его, бедолагу, сжигала изнутри неутоленная жажда.

Яркая, без полутонов, вывеска. Красно-зеленый «Saloon» и круглое, румяное, улыбающееся черными усами лицо дона Педро. Ресторан «Салун Педро». Оставь свой сплин и рефлексия всяк сюда входящий. Добро пожаловать, ипохондрики, в Мексику.

Внутри зелено от стоящих вокруг столиков кактусов и красно от развешенных по стенам гирлянд красного стручкового перца. Кактусы повсюду: маленькие колючие пузаны на столах, похожие на зеленых колючих снеговиков фигурные кругляши в стенных нишах, утыканные шипами и усеянные розовыми соцветиями кустистые семейства на барной стойке, мясистые, в рост человека, буро-зеленые фаллические сталагмиты, вздымающиеся из кадок у входа.

Зеленой и красной краской расцвечены нарочито грубые деревянные стулья с вырезанными причудливыми узорами на высоких спинках. Зелеными и красными нитями вытканы орнаменты на развешенных по залу коврах.

В «Салуне Педро» мы одни, если не считать развалившегося на широком кованом сундуке ковбоя. Рука закинута за голову, добротный кожаный жилет распахнут, потертая рубашка в клетку топорщится на животе, широкополая черная шляпа надвинута на лицо, чтобы яркий свет не мешал спать.

- Хочешь поговорить? – спрашивает меня ковбой настоящий. Перегнувшись через маленький столик, он сжимает мою ладонь длинными пальцами и застывает.

Он не ждет скоро ответа на свой короткий вопрос. Привык, что люди раздумывают, когда он предлагает им поговорить, даже знакомые. С психиатрами разговоры по душам чреватые. Ляпнешь о себе лишнее, а диагноз уж готов. Неприятно. В лицо, конечно, не скажет, про себя подумает. Еще неприятнее.

«Поговорить» имеет совсем другое значение, не то, что у обычных людей: поболтать, посплетничать, обсудить новости. Поговорить – это обсудить скрытые страхи, выявить комплексы, обнажить тайные желания.

Познакомились мы на заправке, что, конечно же, с позиций психоанализа можно объяснить глубинными бессознательными мотивами. Секс и машины лежат в одном лукошке.

Людмила Добрыйвечер сумела стать королевой бензоколонки и кумиром миллионов зрителей в стране, где секса не было, как выяснилось позже, при ее распаде. Так что кладем заправки в то же лукошко.

Плакат с девушкой в стиле пин-ап, уверенно и крепко держащей над чуть запрокинутой головой шланг заправочного пистолета, ловящей раскрытыми алыми губами стекающие с него капли – самая вульгарная и откровенная констатация этого факта. Я видела этот плакат на заправочной станции в унылой глубинке. Идеи феминизма и гендерного равноправия заплутали в лесах по дороге туда, где женщины тащат картошку с хилых совхозных полей и продают ее на обочине дороги, чтобы вытащить из нищеты детей, а мужчины считают судимости за совершенные по пьянке хулиганства и не досчитываются к сорока годам половины зубов. На заправочную станцию с девичей из другого мира выстраивается вереница машин, хотя по соседству есть и другие заправки.

С пистолетом в руке я крутила крышку бака, но она не давалась, засела как влитая, только пластмассово повизгивала в ответ на мои усилия.

- Позвольте я вам помогу. Ну что же вы, крутить то надо в другую сторону! – сказал высокий молодящийся мужчина с седыми висками.

Вечно попадаю впросак, как только дело коснется автомобиля. Недавно оставила включенной магнитолу, всю ночь машина слушала песни, которые к утру усыпили ее аккумулятор.

- Наверное, за руль садитесь редко. Тут практика нужна! Кофе со мной выпьете? – спросил он, аккуратно вставляя хобот пистолета в послушно открывшееся ему отверстие бензобака.

Психиатр мне нравится, особенно когда сквозь сжатые зубы у него вырывается стон, который я угадываю, еще не слыша, по одному только учащенному дыханию сзади. Главное не оборачиваться: даже дергаясь и мыча мне в затылок, он смотрит участливо и серьезно, словно выписывает справку.

Он любит целоваться и говорит, что медицина доказала: секс без поцелуев – что непропеченный пирог. Из уважения к медицине я закрываю глаза и тянусь к нему, но в последний миг открываю их и вижу его с закрытыми глазами и вытянутым языком. Кроме носков на нем ничего нет, и я хохочу, забыв о кокетстве. Он открывает глаза и пытается поцеловать силой.

- Язык откушу! – обещаю я и, чтобы оторвать от себя, погружаю ногти в его плечи, такие же поджарые, как и все тело.

За «поджарые плечи» иной филолог поджарил бы меня живьем, но над тем филологом не качались эти плечи по десять минут три раза подряд. Поджарые, будто их поджарили.

- Извини, - говорю я, - давай лучше трахаться, без этих телячьих нежностей.

Он делает вид, что смирился, и покорно утыкается в меня, но еще несколько раз за вечер идет в романтические атаки и снова терпит в них поражение. Целоваться нельзя, это против правил.

«Поговорить»... Иногда я по несколько дней не выхожу из дома, занавешиваю окна и представляю, что все забыли обо мне. В такие дни я не умываюсь, много сплю и существую вопреки себе. Это не депрессия, потому что она имеет начало и конец, это обратная сторона меня. С ней бесполезно бороться, надо лишь дать ей почувствовать, что уважаешь, и время от времени выпускать на волю.

Но вообще-то я – очень милая. Заботливая, толковая, умненькая. Меня, вроде, любят и я, вроде, не ошибаюсь.

«Поговорить»... Или, может быть, начать с того, что иногда мне хочется превратиться в матрасик. Когда я вижу над собойдвигающиеся в завораживающем ритме мужские плечи, мне хочется стать полосатым матрасиком. Небольшим, компактным, для односпальной кровати. Чтобы, когда движение плеч закончится, их обладатель мог скатать удобную подстилку, взять по мышку и забрать с собой, чтобы каждый раз, расстилая, оказываться на мне.

«Поговорить» и не забыть одну безделицу. Иногда мне кажется, что я – это не я. В разгар дня или перед сном, на знакомой улице или дома носом к красному ворсу ковра на стене. Щёлк, и я не понимаю: «Что я тут делаю? Я девочка, у меня есть папа и мама, и здесь вообще-то мой дом. Какая девочка? Ты-то знаешь, что ты не девочка? Ну, то есть будь девочкой, сколько влезет, но ты – не она. Это не твоя жизнь, чужая, что ты делаешь в шкурке девочки?» - раздаётся голос в голове. Что делаю? Вот лежу... И если я – не девочка, то девочка-то сама где? Жаль ее, если пропала, и что теперь делать, я-то кто, куда мне? И родителей жалко – где их девочка? Вдруг узнают, что я – не она». Щёлк, и вроде все нормально.

Я старательно вживаюсь в свое существование до тех пор, пока не перестаю видеть противоречия между ним и собой. И тогда мне кажется, что я – это несколько девочек. И даже можно дать им разные имена. Вот только как они умудряются жить друг с другом в ладу, не подравшись, не ясно.

- Поговорить хочу, - киваю я головой. – Как дела на работе?

- Отлично! Психиатрическая лечебница – самое спокойное место в городе.

Я опрокидываю стопку текилы. Залпом. Как говорит психиатр, у меня высокая резистентность.

Он забыл трубку и согласился на мои сигареты. Врачи предпочитают курить трубки – так менее вредно. Они – Хемингуэи, и не потребляют дерьмо, как их пациенты.

Когда-то он служил в советской еще армии, а с российской вовремя расстался, вылежав справку о негодности по здоровью в госпитале. Но военный человек нигде не пропадет. Вот и лечебное дело может оказаться прибыльным, если из полкового лекаря переквалифицироваться в психиатры.

Живет один. Его сын унаследовал отцовское слабое здоровье, но недуг дал знать о себе раньше. Не успела упасть в почтовый ящик повестка из военкомата, как юноша занемог. Жестокий приступ вегетососудистой дистонии приковал его к постели и слегка нарушил сознание прямо в больнице отца. Шутка ли, объяснял психиатр: сто пятьдесят симптомов и тридцать два синдрома клинических нарушений у этой дистонии. Одни только головокружения, дрожь в коленях неясной этиологии и похолодания рук и ног чего стоят...

Когда подтвердилось, что к службе сын негоден, отец отправил его лечиться от дрожи в Германию. О женах он мне никогда не рассказывал: ни о первой, ни о второй, ни о третьей.

Несмотря на то, что пути с воинской службой разошлись, он сохранил некоторые армейские привычки. С первыми холодами надевает кальсоны, на случай долгого марш-броска от машины до кабинета. Вдруг его джип увязнет в снегах в тех трех кварталах, что отделяют дом от клиники, где он практикует, и больницы, где он числится. Быстро, по-солдатски одевается, закончив все дела в постели. Но в самой постели не спешит: дотошен, обстоятелен, вынослив и крайне трудолюбив. Как будто красит зеленой краской газон или копает траншею, не задавая лишних вопросов. Привычка – вторая натура.

Как человек в душе военный, хоть и пообтершийся до лоска на гражданке, он не очень понимает модное словечко «толерантность». Вариативность нормы в тонкой паутинке человеческой психики кажется ему сродни меню в солдатской столовой: макароны по-флотски, котлета с гарниром, рис с сосиской, четверг – рыбный день. Рыба потрошенная без головы: 120 г. на человека в день.

Но профессия все же берет свое. Недавно психиатр с доверительным видом сообщил мне, что в полнолуние предпочитает не выезжать из дома, даже если самые денежные родственники пациентов одолевают его звонками и просьбами. Кроме того, американцы разработали систему климатического контроля над миром ХАРП, и небывалая жара, которая случается в северных широтах – их рук дело.

- Видишь, тучка на горизонте, в которую солнце садится, с четкими краями? В природе так не бывает. У настоящей, правильной тучки края размыты и нет четких границ. А это неправильная, их тучка...

Но это ерунда. Вот его коллега после напряженной рабочей недели едет на дачу, забирается на чердак, баррикадирует ходы-выходы и сидит там два дня, один-одинешенек. Даже биогоршок купил, чтобы не спускаться. А утром в понедельник горшок вынесет, лицо колодезной водой умоет, душ примет, кофе заварит и – на работу, возвращать психическое здоровье гражданам.

Другой коллега меняет галстуки восемь раз в день. В одном галстуке ему тяжело, он задыхается, начинает багроветь, будто воздуха не хватает, чешется, срывается на пациентов. А как сменит галстук – другой человек, душка, лапа, Айболит.

Так что полнолуние и подозрительные тучки – это ерунда. Небольшая брешь в крепкой броне психического здоровья психиатра.

Да, и у него отличное чувство юмора. Регулярное, как работа здорового кишечника. Специфически врачебное, как свет операционной лампы. Вроде и светло, а мурашки по коже от этого света. А ему ничего, он привык.

Я не знаю ни одного врача, который в глубине души не смеялся бы над пациентом. Нет, не над несчастным Васей, взрастившим к сорока годам язву желудка или геморрой. И даже не над Инной Ивановной, носящей заряженные магнитными наночастицами целебные турмалиновые трусы от варикозного расширения вен на ногах и прочего бесплодия. Над Пациентом - как явлением, сгустком невежества. Это смех сквозь слезы, но все же смех.

Я тоже чувствую себя идиоткой, когда психиатр объясняет мне «на салфетке» как работают ацетилхолиновые цепочки:

- Ну, поняла? Это же так просто!

- Поняла, - киваю я, чтобы скрыть, что не поняла ничего. Школьные уроки химии оставили мне скудный багаж знаний в виде одного словосочетания «лакмусовая бумажка».

Он говорит много умных слов, которые открывают мне: быстрее сильных мужских рук женские бедра могут раздвинуть умные мужские слова. В такие минуты мне хочется подчиниться ему и подчинить. Подчинить то, что я не могу понять. Подчинить и поглотить. Поддаться и вместить в себе, растворить, насытиться. Стать его продолжением и началом.

Не исключено, что ему хочется того же. Но внимательные серые глаза, хоть и блестят, не дают мне ответа, они – выписывают справку.

Любой врач для обывателя немного иной. Я тоже обыватель и исследую психиатра как инопланетянина. Интересно, если ткнуть в него иголкой, выступит ли капля крови? И если да, не будет ли она синего цвета... А душа у него такая же, как у меня? И есть ли она вообще...

Исследование продолжается и в постели. Там он ведет себя предсказуемо. Обычный мужик, хотя нет... Разве обычный скажет:

- Я лекарство начал принимать, для нормализации сердечной деятельности. Период полувыведения четыре часа составляет. Ты ничего не заметила?

Да, пожалуй, он иной. Ни с кем другим я не представляла, лежа в постели, убористый шрифт медицинской инструкции и то, как медленно тают в желудке метаболиты сердечных пилюль.

- Ооо, *musculus gluteus maximus*, - постанывает он за моей спиной и щиплет филейную часть, хотя мог бы просто сказать: - Ничего у тебя задница.

Иногда я думаю, что эта инаковость и есть тот главный рычаг, который приводит в движение механизм наших с ним отношений. Иной интересен, привлекателен, манящ, даже если отличие между вами не толще сложенной вчетверо бумажной инструкции.

- Ты хотела поговорить, - напоминает он.

Да, хотела. Понимаешь, я выбиваю, выдалбливаю, вытрахиваю, выгоняю тобой ненужную мне влюбленность. Я хотела бы влюбиться в тебя и выздороветь. Но, как раковые клетки не хотят покидать человеческий организм, так мысли о другом пускают во мне метастазы.

И, словно измученный борьбой с болезнью пациент, говорить я могу только о своем недуге или о ерунде. Собственно, все, что не касается недуга – для зацикленного больного и есть ерунда.

- Правда, что в истории про Винни-Пуха ослик Иа страдает тяжелой эндогенной депрессией, поросенок психостеник, а у Тигры истерия?

Ковбой в углу по-прежнему безмятежно спит. Какой-то шутник расстегнул ему ширинку и вставил в нее свернутую трубочкой бумажную салфетку. Ковбой даже не заметил оскорбления и тем только обнаружил свою ненастоящность.

Психиатр сегодня тоже в клетчатой рубашке. Ему бы зеленый пиджак, а мне красное платье, и тогда мы станем частью этого двухцветного рая. Красивые и однозначные, завершенные, состоявшиеся, как и должно быть в раю. Готовые продолжить линейку безупречных восковых манекенов.

Даже если мы превратимся в идеальную восковую пару, тлеющий во мне огонь когда-нибудь вырвется наружу и спалит бутафорский рай к чертовой матери. Дотла. Без разговоров.